ЕВРОПЕЙСКИЕ ДЕРЖАВЫ И КРИТСКИЙ ВОПРОС в 1908—1912 годах

И. С. Галкин

Развернувшееся в начале XIX в. национально-освободительное движение греческого народа привело в 1830 г. к образованию независимого греческого государства. Однако значительная часть территории, населенной греками,— Фессалия, Крит, Ионические острова, ряд островов Эгейского моря — оставалась под властью Турецкой империи. Объединение всех греческих земель в единое национально-независимое государство диктовалось всем ходом экономического и политического развития. Жестокий гнет турецких феодалов усиливал стремление населения этих территорий к воссоединению с Грецией. С особой силой это движение разгорелось на Крите.

Борьба угнетенных народов Турецкой империи за свое национальное освобождение встретила сочувствие и поддержку демократических сил Европы и всего мира, и прежде всего социалистического пролетариата. 11 октября 1908 г. Международное социалистическое бюро единогласно приняло предложенную бельгийским делегатом де-Брукером резолюцию, в которой приветствовало «падение того гнусного режима, который Абдул-Гамид так долго поддерживал в Турции при помощи держав», приветствовало «открывшуюся для народов Турецкой империи возможность самим распорядиться своей судьбой...»[1]. Рабочая печать повела энергичную кампанию в поддержку освободительной борьбы угнетенных Турецкой империей народов и разоблачала этот режим угнетения и ту помощь, которую ему на деле оказывали империалистические правительства Европы, прежде всего правительства Англии, Франции и России, присвоившие себе еще в 1830 г. права «держав-покровительниц» в отношении Греции.

Большевики неустанно выступали в защиту балканских народов, требуя их освобождения и разоблачая хищническую, угнетательскую политику правящих классов всех стран, на которых лежала ответственность за угнетение народов. В. И. Ленин поместил в большевистских газетах серию

---

[1] Цит. по В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 221.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

статей, посвященных национально-освободительному движению на Балканах [2].

Вопрос о судьбах Крита, об отношении к развернувшемуся на острове движению за воссоединение с Грецией стал в 1908 г. одним из узловых вопросов европейской политики. Борьба за Крит вызвала обострение межимпериалистической борьбы. На первый план выдвинулись тогда англо-германские противоречия, которые, как указывал Ленин, явным образом вели к растущей опасности войны [3]. В то же время дипломатическая борьба вокруг Крита обнажила целый клубок англо-русских, англо-французских, русско-французских и иных противоречий.

Европейская либеральная буржуазия и русские кадеты заявляли в то время о своей «поддержке» национального освобождения критян и балканских народов. В. И. Ленин, разоблачая русских кадетов и европейских либералов, указывал, что ни о каком действительном освобождении угнетенных народов Турции они и не помышляли [4]. Рассуждая о национальном освобождении угнетенных народов Турции, европейская и российская буржуазия оставляла в тени экономическое освобождение, то есть решение аграрного вопроса. Экономическое освобождение Крита означало бы изгнание с острова турецких феодалов, передачу всей земли крестьянам, ликвидацию турецкой налоговой системы и системы откупов, ликвидацию бесплатных принудительных работ в пользу турецких помещиков и турецкого государства. Понятно, что русский царизм и западноевропейские империалистические государства не поддерживали таких радикальных мероприятий.

Лицемерные фразы сочувствия угнетенным народам, распространявшиеся представителями либеральной буржуазии, официальная дипломатия великих держав и отражавшая ее политику «большая пресса» имели целью замаскировать захватнический и антидемократический характер их политики. В статье «События на Балканах и в Персии», опубликованной 16 (29) октября 1908 г. в газете «Пролетарий», В. И. Ленин писал: «Суть того, что происходит теперь на Балканах, в Турции, в Персии, сводится к контрреволюционной коалиции европейских держав *против* растущего демократизма в Азии. Все усилия наших правительств, вся проповедь «больших» европейских газет сводятся к тому, чтобы замазать этот факт, чтобы сбить с толку общественное мнение, чтобы прикрыть лицемерными речами и дипломатическими фокус-покусами *контрреволюционную коалицию* так называемых цивилизованных наций Европы против наименее цивилизованных и наиболее рвущихся к демократизму наций Азии. И вся суть политики пролетариата в данный момент состоит в том, чтобы сорвать маску с буржуазных лицемеров, чтобы обнаружить перед глазами самых широких народных масс реакционность европейских правительств, которые из боязни пролетарской борьбы у себя дома играют и помогают играть роль жандарма по отношению к революции в Азии.

Сеть интриг, которыми окутала Европа все турецкие и балканские происшествия, чрезвычайно плотная, и обывательская публика поддается на удочку дипломатов, которые стараются обратить внимание на мелочи, на частности, на отдельные стороны происходящих событий, стараются затемнить смысл всего процесса в целом. Напротив, наша задача, задача международной социал-демократии — разъяснить народу именно общую связь событий, основное направление и подкладку всего происходящего» [5].

В настоящей статье мы ставим своей задачей показать, что скрывалось за «дипломатическими фокус-покусами» великих держав, и попытаться на основе фактов выяснить истинную подоплеку политики европейских держав в критском вопросе в 1908—1912 годах. Это представляется тем более необходимым, что в буржуазной исторической литературе эта страница истории искажена.

Критское движение за воссоединение с Грецией, особенно на его заключительной стадии, в начале XX в., получило освещение преимущественно в литературе, касающейся жизни одного из руководителей критского освободительного движения, Э. Венизелоса. Прежде всего необходимо отметить некоторые произведения самого Э. Венизелоса [6]. Будучи лидером греческой

[2] «События на Балканах и в Персии»; «Балканские народы и европейская дипломатия»; «Социальное значение сербско-болгарских побед»; «Балканская война и буржуазный шовинизм». См. также «О праве наций на самоопределение».

[3] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 187; см. также т. 17, стр. 145.

[4] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 323

[5] В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 199.

[6] E. Venizelos. Greece in her true light New York. 1916; его же. The Vindica-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

либеральной буржуазии, Венизелос уделил преимущественное внимание национально-освободительным и религиозным мотивам развернувшейся борьбы. Но было бы тщетным искать в произведениях Венизелоса освещения борьбы широких народных масс за социальное освобождение, движения батраков и мелких критских крестьян-арендаторов против турецких феодалов-землевладельцев. Большой фактический материал дают работы Керофиласа, Честера, Аластоса [7]. Однако все они написаны в биографическом плане; проникнутые неумеренным восхвалением Венизелоса, они оставляют в тени освободительную борьбу самого населения Крита. Интересные сведения о деятельности Венизелоса, о борьбе критского народа и о политике европейских держав дает английский корреспондент Диллон [8], участник восстания 1896 года.

Ценные данные о деятельности Критского собрания, о взаимоотношении Крита с державами-покровительницами, о деятельности верховного комиссара на Крите и вообще о положении на острове исследователь может почерпнуть в журнале «Messager d'Athènes» [9]. Один из современников критского движения, Эм. Марк, в парижском журнале «Nouvelle Revue» в 1911 г. [10] сообщает материал об антигреческой кампании бойкота, проводившейся в Турции. Факты, характеризующие движение на Крите, политику Греции и европейских держав по критскому вопросу, содержит «История дипломатических отношений Греции» [11] Дрио и Эритье, в частности тт. IV и V.

Период оккупации Крита европейскими войсками (1897—1909 гг.) освещен в исследовании Дютковского [12], вышедшем небольшой книгой в Париже в 1952 году. Кроме интересного содержания, эта книга ценна своей богатой библиографией по критскому вопросу.

О политике европейских держав в критском вопросе дают представление собрания дипломатических документов германского министерства иностранных дел [13], внимательно следившего за развитием критских событий. Критский вопрос получил отражение в дипломатических документах австро-венгерского правительства [14], поддерживавшего политику своего германского союзника. Весьма скудно отражают политику Британской империи в критском вопросе опубликованные собрания британских документов [15]. Даже французская публикация дипломатических документов [16] дает больше материала об английской политике в критском вопросе. Значительный материал, освещающий политику как царской России, так и западноевропейских держав в критском вопросе, мы обнаружили в Архиве внешней политики России (АВПР), в частности в хранящихся там донесениях российского генерального консула в Канее (о. Крит). Эти источники в первую очередь использованы в нашей статье.

★

Движение за воссоединение с Грецией с особенной силой развернулось на Крите во второй половине XIX — начале XX века.

На протяжении 30 лет (1866—1896) население Крита 7 раз поднималось на восстания под лозунгом освобождения от турецкого гнета и присоединения к греческому государству, но каждый раз терпело неудачу ввиду подавляющего превосходства сил на стороне Турции.

18 декабря 1897 г. в результате вмешательства европейских держав Турция признала предложенный державами статут острова Крита, по которому Крит был объявлен автономным под номинальным суверенитетом турецкого султана. Он управлялся верховным комиссаром под эгидой держав-покровительниц (Англия, Франция, Россия, Италия) при содействии палаты критских представителей. Автономия рассматривалась критянами как переходная мера к окончательному освобождению острова и объединению его с Грецией.

---

tion of greek National Policy. 1912—1917. London. 1918.

[7] C. Kerofilas. Eleftherios Venizelos. His life and work. London. 1915; S. B. Chester. Life of Venizelos. London. 1921; D. Alastos. Venizelos. Patriot. Statesman. Revolutionary. London. 1942.

[8] Dillon. Greece in process of regeneration. Eleftherios Venizelos «The contemporary Review». 1911. Vol. 99, p. 125.

[9] «Messager d'Athènes», 1911.

[10] E. Marc. La question crétoise. «Nouvelle Revue». 1911. Vol. 10, p. 289—306.

[11] E. Driault, M. L'Héritier. Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours. Vol. I—V. Paris. 1925—1926.

[12] J. S. Dutkowski. L'occupation de la Crète (1897—1909). Paris. 1952.

[13] «Die Grosse Politik der europäischen Kabinette. 1871—1914» (в дальнейшем — Gr. Polit).

[14] «Osterreich-Ungarns Aussenpolitik. 1908—1914» (в дальнейшем — ÖUA).

[15] «British Documents on the origins of the War. 1898—1914».

[16] «Documents diplomatiques français». 3-ème série. Paris. 1929 (в дальнейшем первый том этой серии обозначается DDF 3—1, второй том — DDF 3—2).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Новая, более благоприятная обстановка для осуществления этой цели сложилась в 1908 г., когда в Турции, испытавшей влияние революции в России, развернулась буржуазная революция. Успех турецкой революции, писал В. И. Ленин в октябре 1908 г., неминуемо означал бы «развитие стремлений к автономии и действительной демократии во всех балканских народах...» [17]. И действительно, младотурецкая революция вселила в сердца угнетенных народов Турецкой империи новые надежды на национальное освобождение. Сами лидеры младотурок, Ниязи и Энвер, пытались в своей борьбе против деспотизма султана опереться на вооруженную помощь угнетенных народов — македонцев, албанцев. Правда, антидемократический характер их политики обнаружился очень скоро. Своим отказом поддержать демократическое решение аграрного и национального вопросов лидеры младотурецкой революции оттолкнули от себя турецких крестьян и порабощенные народы. Но народы Албании и Македонии, население Крита и других территорий, подвластных Турции, пришли в движение. Начался новый, решающий этап национально-освободительной борьбы на Крите, завершившийся в 1913 г. воссоединением населения острова с греческим государством.

24 сентября 1908 г. около 10 тыс. критян собрались в Канее на митинге и приняли резолюцию о присоединении острова к Греции. Резолюция была сообщена консулам на Крите и греческому правительству [18]. В начале октября верховный комиссар Заимис «неожиданно» выехал в Афины. В его отсутствие бывшие советники комиссара, объявившие себя членами Временного критского правительства, вынесли постановление о присоединении Крита к Греции. Критское правительство, милиция, а также жандармерия торжественно приняли присягу на верность греческому королю и греческой конституции. Критская палата депутатов, собравшаяся 12 октября 1908 г., одобрила присоединение к Греции. 13 октября было избрано новое правительство острова, получившее название «Исполнительной комиссии», в составе Михелидакиса — председатель — и членов: Венизелоса, Пологеоргиса, Логонадиса и Петихакиса [19].

Такой акт критских патриотов озадачил греческое правительство. 10 октября 1908 г. греческий министр иностранных дел Балтаджи посетил представителей держав в Афинах и, изложив всю затруднительность положения, в которое ставил Грецию происшедший на Крите переворот, просил их передать своим правительствам ходатайство: не могли бы они объявить населению острова, что критский вопрос должен обсуждаться на конференции держав одновременно с другими возникшими в то время на Ближнем Востоке событиями [20]. Однако, как сообщал германский посол в Лондоне граф Меттерних, Э. Грей отнесся отрицательно к просьбе греческого посла Романоса вынести критский вопрос на решение конференции держав [21]. Английские правящие круги предпочитали действовать в этом вопросе самостоятельно. Главный противник Англии — Германия — также уклонялся от участия в концерте европейских государств по критскому вопросу. Статс-секретарь иностранного ведомства Кидерлен писал германскому поверенному в делах в Афинах: «Мы должны предоставить инициативу державам — покровительницам Крита, поскольку мы сами не являемся державой-покровительницей» [22]. Итальянское правительство снабдило своего представителя в Афинах указаниями, сходными с английскими инструкциями [23]. Французский генеральный консул в Канее получил предписание «уведомить критское правительство, что, согласно с положением, принятым нами в босногерцеговинских и болгарских делах, полагаем соединение Крита с Грецией зави-

[17] В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 199.

[18] Архив внешней политики России (АВПР), ф. Политического архива (ПА), д. 2567, л. 12. Донесение начальника генерального штаба министру иностранных дел Извольскому № 1787 от 16 октября 1908 г. с препровождением выписки из рапорта военного агента в Афинах. См. также E. Driault, M. L'Héritier. Указ. соч. Т. V, стр. 22.

[19] АВПР, ПА, д. 2565, л. 37. Телеграмма Пелехина № 44 от 30 сентября (13 октября) 1908 года.

[20] Там же, л. 26. Телеграмма российского посла в Афинах Татищева от 10 октября 1908 г.; см. также Gr. Polit. Bd. 27. T. I. Телеграмма германского поверенного в Афинах Ханиеля в Берлин № 72 от 10 октября 1908 года.

[21] Gr. Polit. Bd. 27. T. I, № 9603. Прим. 2, стр. 27. Телеграмма германского посла в Лондоне графа Меттерниха № 280 от 11 сентября 1908 г.; см. также «Histoire diplomatique de la Grèce». T. V, p. 24.

[22] Gr. Polit. Bd. 27. T. I, № 9603. Прим. 3, стр. 27. Телеграмма Кидерлена из Берлина германскому поверенному в делах в Афинах Ханиелю № 53 от 11 октября 1908 года.

[23] АВПР, ПА, д. 2565, л. 31. Секретная телеграмма российского посла в Риме Муравьева от 28 сентября (11 октября) 1908 года.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

симым от одобрения держав». Российский консул считал, что обращение к критянам, составленное в духе предложения французов, произвело бы успокаивающее впечатление на остров [24].

По настоянию Турции и английского правительства вопрос о Крите решено было не обсуждать на предполагавшейся международной конференции, а урегулировать посредством переговоров держав-покровительниц [25]. Консулы Великобритании, Италии, России и Франции выработали в этом духе декларацию и 19 октября представили ее на одобрение своих правительств [26]. 28 октября 1908 г. декларация была вручена критскому правительству [27], а через три дня — правительству Греции [28]. В ней говорилось: «Державы-покровительницы рассматривают соединение Крита с Грецией зависящим от согласия держав, подписавших обязательства в Договоре с Турцией [29], тем не менее они не преминут приступить к благосклонному обсуждению этого вопроса с Турцией, если на острове будет поддерживаться порядок и, с другой стороны, если будет гарантирована безопасность мусульманского населения» [30].

Эта декларация вызвала некоторое удовлетворение в Афинах и на Крите. Население Греции и Крита расценивало положительно самый факт обращения европейских держав к Временному правительству Крита. В этом видели как бы мандат критскому правительству на осуществление присоединения Крита к Греции [31]. Однако вследствие противодействия Турции и противоречий между европейскими державами, и прежде всего между Англией и Германией, решение основного вопроса о присоединении острова к Греции затягивалось. Это порождало много других важных проблем, связанных с освобождением Крита. Встал вопрос о выводе войск держав-покровительниц с Крита [32]. Еще до младотурецкой революции, в мае 1908 г., державы-покровительницы договорились, что они отзовут свои войска до 1 июля 1909 г. поэтапно, о чем верховный комиссар Крита Заимис довел до сведения населения Крита [33]. Турция понимала, что осуществление этого решения в создавшихся условиях будет означать первый серьезный шаг к признанию фактически сложившегося положения на Крите. Вот почему под предлогом защиты мусульман на острове она настаивала на том, чтобы была задержана эвакуация европейских войск с Крита [34]. Английское правительство вместе с другими державами подписало соглашение о выводе войск, но вовсе не намеревалось приступить к его осуществлению. 27 июня 1909 г. в меморандуме руководителя внешней политики британского правительства Э. Грея Сазонову говорилось о нежелательности вывода войск с Крита и даже предлагалось усилить их на Крите [35].

Англия стремилась закрепить свои позиции на Крите, опасаясь, чтобы Германия, формально не участвовавшая в решении критских дел, за спиной держав-покровительниц не договорилась с Турцией или Грецией о Крите. Настороженность английских империалистов особенно усилилась в

[24] Там же, л. 35. Секретная телеграмма генерального консула в Канее Пелехина № 43 от 29 сентября (12 октября) 1908 года.

[25] Там же, д. 2566, л. 43. Телеграмма Бенкендорфа из Лондона от 9(22) октября 1908 года.

[26] Там же, л. 39. Телеграмма Пелехина № 49 от 6(19) октября 1908 года.

[27] Там же; см. также д. 2567, л. 6. Телеграмма Пелехина № 52 от 15(28) октября 1908 года.

[28] Там же, л. 22. Телеграмма Татищева из Афин от 18(31) октября 1908 года.

[29] Речь идет о подписании европейскими державами Берлинского трактата. В числе этих держав, кроме Англии и России, были Германия и Австро-Венгрия. См. ст. XXIII Берлинского трактата.

[30] АВПР, ПА, д. 2567, л. 22. Телеграмма Татищева из Афин от 18(31) октября 1908 г.; см. также Gr. Polit. Bd. 27. T. I, S. 31. Донесение германского поверенного в делах в Афинах графа фон Арко Бюлову № 78 от 31 октября 1908 года.

[31] Gr. Polit. Bd. 27. T. I, S. 32. Донесение германского поверенного в делах в Афинах Бюлову от 31 октября 1908 года.

[32] Австрийский посол в Афинах доносил, что в беседе с ним греческий министр иностранных дел Балтаджи заявил, что «вопрос об отзыве европейских войск с Крита совершенно назрел». ÖUA. Bd. 2, S. 314, Dok. 1570. Донесение австрийского посла из Афин Брауна от 27 апреля 1909 года.

[33] См. Gr. Polit. Bd. 27. T. I, S. 38. Донесение германского посла в Афинах Риппенхаузена Бюлову № 9 от 27 января 1909 года.

[34] Там же, стр. 40. Донесение германского посла в Афинах Вангенгейма Бюлову № 28 от 7 апреля 1909 г.; см. также ÖUA. Bd. 2, S. 373, Dok. 1654. Телеграмма австрийского посла в Константинополе Палавичини № 335 от 22 июня 1909 года.

[35] АВПР, ПА, д. 2571, лл. 65, 66, 67. Меморандум Э. Грея, препровожденный Сазонову 14(27) июня 1909 г.; см. также Gr. Polit. Bd. 27, T. I, S. 36; о том же см. ÖUA. Bd. 2, S. 349—350, Dok. 1628. Секретное донесение австрийского посла в Константинополе № 44/с от 2 июня 1909 года.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

то время в связи с тем, что кайзер Вильгельм II проездом из Венеции 15 апреля 1909 г. встретился на острове Корфу с греческим королем Георгом и премьер-министром Греции Теотокисом [36]. Как доносил германский посол в Афинах Вангенгейм, греческое правительство пыталось воздействовать на Вильгельма II «в смысле понуждения Германии к действиям в пользу Греции в критском вопросе до того, как Греция сделает что-либо для Германии», то есть произведет в Германии заказы на вооружение и пойдет на дополнительные торгово-финансовые сделки [37]. Однако кайзер ничего не обещал Греции и даже заявил, что в случае возникновения военного конфликта между Турцией и Грецией Германия все же при «всех симпатиях» к Греции будет на стороне Турции, где она имеет большие интересы [38]. Вильгельм II заявил, намекая на Грецию, что «все, кто покупает оружие у Крезо и у других французских фирм, еще поплатятся за это» [39].

Германские правящие круги заявляли, что они не предпримут никакой инициативы в критском вопросе [40]. Канцлер Бюлов рекомендовал германскому послу в Афинах «быть сдержанным в своих беседах по критскому вопросу и ограничиваться только ролью бесстрастного наблюдателя, которая наиболее соответствует политическим интересам Германии» [41]. Столь же сдержанную и выжидательную позицию в критском вопросе рекомендовал занимать своим послам в Афинах и Константинополе и Венский кабинет [42].

Однако действительная политика Германии и Австро-Венгрии в критском вопросе вовсе не сводилась к бесстрастному невмешательству. Австрийский военный атташе в Афинах в беседе с германским послом Вангенгеймом говорил, что «австро-германское вмешательство в критский вопрос в пользу Греции было бы мыслимым, если бы Турция уже была бы усилена в военном отношении и вовлечена в Тройственный союз. В противном случае такое вмешательство послужило бы лишь на пользу нашим противникам, чтобы навсегда уничтожить наши надежды на будущее в отношении Турции» [43].

Позиция Англии в отношении Греции была освещена в статье «Times» [44] и в выступлениях помощника Э. Грея — Гардинга. Газета «Times» назвала требования критского народа и позицию Греции в отношении Крита «авантюристическими». По утверждению «Times», то, что можно было предъявить Турции Абдул-Гамида, нельзя требовать от «реформированной» Оттоманской империи. Э. Грей предлагал английским послам в Петербурге, Париже, Риме, Берлине, Вене и Афинах уверять всех, что Лондон считается с интересами обновленной, «реформированной» Турции.

Заявляя о недопустимости злоупотреблять доверием Турции, Англия сама неоднократно обогащалась за счет ее владений. Что вслед за Кипром английские экспансионисты наметили своей жертвой критскую Судскую бухту, в этом никто не сомневался. Английские оккупационные войска считали, что эта бухта доверена их особому покровительству, и старались удержать на расстоянии от нее войска прочих держав-покровительниц. В Лондоне опасались, что, если Крит станет греческим, Англия потеряет Судскую бухту. Видимо, не без влияния Форейн Офис среди некоторой части греческих деятелей стали раздаваться голоса, что греки уступят Судскую бухту той державе, которая обеспечит присоединение Крита к Греции [45]. При этом под такой державой подразумевалась Англия.

Переговоры кайзера Вильгельма II с греческими правящими кругами насторожили не только Англию, но и Францию. Согласно телеграмме Вангенгейма Бюлову, Теотокис заявил ему, что «греческим послам в Лондоне и Париже английское и французское

---

[36] Gr. Polit. Bd. 27. T. I, S. 43—45. Донесения советника императорской свиты Иениша Бюлову от 23, 26 апреля и 16 мая 1909 г., см. также ÖUA. S. 350, Dok. 1628.

[37] Gr. Polit. Bd. 27. T. I, S. 43—45. Депеша германского посла в Афинах Вангенгейма № 32 от 13 мая 1909 года.

[38] Там же, стр. 47.

[39] Там же, стр. 48. Депеша Вангенгейма из Афин Бюлову № 32 от 13 мая 1909 года.

[40] Там же, стр. 49. Телеграмма Вангенгейма из Афин Бюлову № 49 от 23 мая 1909 года.

[41] Там же, стр. 56. Телеграмма Бюлова германскому послу в Афинах Вангенгейму № 22 от 8 июня 1909 года.

[42] ÖUA. Bd. 2, S. 353. Распоряжение Эренталя австрийскому послу в Афинах № 2094 от 5 июня 1909 г.; там же, стр. 359—360, док. 1643. Распоряжение Эренталя австрийскому послу в Константинополе № 2146 от 10 июня 1909 года.

[43] Gr. Polit. Bd. 27. T. I, S. 58 Депеша Вангенгейма Бюлову № 41 от 6 июня 1909 года.

[44] «Times», 18 мая 1909 года.

[45] Gr. Polit. Bd. 27. T. I, S. 60. Депеша Вангенгейма из Афин Бюлову № 41 от 6 июня 1909 года.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

правительства дали понять, что их прогреческая позиция в критском вопросе изменилась в связи с происшедшим на Корфу греческо-германским сближением»[46]. Было совершенно очевидно, что ни Лондон, ни Париж не хотели допустить какого бы то ни было влияния Германии и Австро-Венгрии в Афинах. Если для английских империалистов речь шла о том, чтобы не допустить Германию к Криту и не дать ей возможности устроить на этом острове свою морскую базу, то французские империалисты не хотели мириться с передачей греческих военных заказов в Германию. В свою очередь, греческие правящие круги выражали разочарование политикой Франции. Тот же Вангенгейм в конце июня 1909 г. сообщал из Афин Бюлову: «Господина Клемансо не порадовало бы суждение греческого короля о нем. «Я в свое время обещал господину Клемансо заказывать пулеметы во Франции,— сказал король,— а за это получить французскую поддержку в решении критского вопроса... Подлежащее доставке вооружение лежит в Марселе и не может быть отгружено из-за забастовки во Франции, хотя мы в нем крайне нуждаемся, а французская инициатива в критском вопросе построена на песке»[47].

Переговоры держав-покровительниц по критскому вопросу затягивались. Итальянский посол в Афинах маркиз Карлоти в сообщении Вангенгейму объяснял этот факт «расхождениями между более посреднической точкой зрения Италии и России и резко выраженной протурецкой точкой зрения Англии и Франции»[48]. После долгих согласований державы-покровительницы выработали совместную декларацию по критскому вопросу и 13 июля 1909 г. вручили ее одновременно Порте, Афинскому кабинету и Критскому временному правительству. Эта декларация не содержала в себе ничего такого, что бы изменяло политический статут Крита; единственная реальная мера, которую державы собирались провести,— это эвакуация европейских войск с острова[49]. Представители четырех держав указывали, что взамен уходящих войск державы будут содержать в Судской бухте для охраны турецкого флага и флагов держав-покровительниц и для гарантии безопасности критских мусульман по одному военному судну от каждой из четырех держав. Присутствие этих судов в водах острова должно было свидетельствовать о верховных правах султана, о покровительстве держав над островом. Вместе с тем правительства держав-покровительниц заявляли, что они выберут удобное время для ведения переговоров с Турцией о дальнейшей судьбе острова[50].

Недовольное декларацией держав-покровительниц турецкое правительство заняло враждебную позицию в отношении Греции. Проявляя уступчивость в боснийском и болгарском вопросах, младотурки заняли более непримиримую линию в вопросе о Крите. Они опасались обвинений в малодушии и пренебрежении интересами мусульман. В ноте от 5 августа 1909 г. младотурецкое правительство потребовало от правительства Греции воздействовать на критское правительство, чтобы последнее сняло на острове повсюду критские (греческие) национальные флаги, которые были вывешены сразу же, как только ушли отряды европейских войск[51]. В случае невыполнения этого требования турецкие правящие круги угрожали отзывом своего посланника Наби-бея из Афин.

В ответной ноте Порте греческое правительство отклонило это требование, заявив, что державы-покровительницы совершенно отстранили Грецию от решения критского вопроса, чего желала и Порта, и потому последняя не имеет никакого основания предъявлять Греции какие-либо требования по критскому вопросу. Афинский кабинет указывал также, что агитация местных критских христиан в пользу присоединения к Греции входит в сферу внутренних вопросов, которые подведомственны критским властям, признанным державами, что греческое правительство не может вмешиваться в компетенцию держав и критского пра-

[46] Там же, стр. 63. Телеграмма Вангенгейма Бюлову № 62 от 16 июня 1909 года.

[47] Там же, стр. 65. Депеша Вангенгейма из Афин Бюлову № 47 от 23 июня 1909 года.

[48] Там же, стр. 70. Телеграмма Вангенгейма из Афин № 77 от 10 июля 1909 года.

[49] АВПР, ПА, д. 932, л. 76. «Déclarations des conseils généraux des puissances protectrices» от 30 июня (13 июля) 1909 года.

[50] Там же, д. 2572, л. 106; см. также Gr. Polit. Bd. 27. T. I, S. 70. Прим. к док. 9641. Депеша Вангенгейма из Афин Бюлову № 77 от 10 июля 1909 года.

[51] Gr. Polit. Bd. 27. T. I, S. 83. Прим. к док. 9649. Телеграмма Риппенхаузена из Афин № 100 от 6 августа 1909 г.; см. там же, стр. 84. Телеграмма поверенного в делах в Константинополе фон Микеля в Берлин № 294 от 7 августа 1909 г.; см. об этом же ÖUA. Bd. 2, S. 428—429. Телеграмма австрийского посла в Афинах Левенталя в Вену № 72 от 5 августа 1909 года.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

вительства [52]. Порта не была удовлетворена ответом греческого правительства на ее ноту, напряженность греко-турецких отношений оставалась

В таких условиях державы — покровительницы Крита — готовились к новым коллективным шагам в целях улаживания греко-турецких отношений. Две другие европейские державы — Австро-Венгрия и Германия — не хотели включаться в коллективные действия по критскому вопросу. И Бетман-Гольвег и заместитель статс-секретаря Штемрих настойчиво предупреждали германских послов в Константинополе и Афинах не дать себя втянуть в коллективные выступления держав по греко-турецким делам. «Германия не даст себя втянуть в критский вопрос,— писал Штемрих германскому поверенному в делах в Константинополе фон Микелю.— Именно для того, чтобы пресечь склонность держав-покровительниц в этом направлении,— указывал далее Штемрих,— рекомендуется признание того, что Германия постоянно, как в Константинополе, так и в Афинах, выступает с предупреждением против военного конфликта» [53].

Позиция Австро-Венгрии и Германии в греко-турецких делах была наиболее полно сформулирована Эренталем. Германский посол в Вене Ранцау телеграфно передал Бетман-Гольвегу мнение Эренталя по этому вопросу. «Что касается существующего положения, то я,— сказал Эренталь Ранцау,— хотел бы предложить, что если создастся затруднительное положение, которое будет угрожать миру, то Германия и Австро-Венгрия будут либо выступать совместно тотчас же по собственной инициативе (proprio motu) с дружественным представлением в Константинополе, совершенно независимо от действий держав-покровительниц, или же, напротив, они будут выжидать действий держав-покровительниц в Константинополе и уже затем дружественно их поддержат. Щадя Турцию, я хотел бы также избежать во что бы то ни стало коллективного демарша, так же как и идентичной ноты, так как убежден, что даже идентичная нота, в которой бы мы приняли участие, будет в Константинополе воспринята болезненно и возложит на нас бремя, которого мы можем избежать, не отказываясь в то же время от действий поддержки сохранения мира» [54]. Далее Эренталь указывал, что «в Константинополе державы наперебой спешат выступить в интересах Турции, опасаясь усиления австрийского и особенно германского влияния, и поэтому стремятся втянуть нас в критский вопрос, чтобы и нас скомпрометировать» [55].

На телеграмму Ранцау Бетман-Гольвег ответил письмом, в котором поручал ему передать Эренталю, что он (Бетман-Гольвег) придерживается той же точки зрения в вопросе греко-турецких отношений [56]. В начале сентября 1909 г. германский имперский канцлер Бетман-Гольвег посетил Вену и имел свидание с графом Эренталем. В официальном сообщении о переговорах между ними говорилось, что Германия и Австро-Венгрия стремятся сохранить статус-кво на Ближнем Востоке и надеются, что новый строй окончательно упрочится в Константинополе. Положение, принятое обеими державами относительно критского вопроса и кризиса в Греческом королевстве, остается неизменным, причем они смотрят дружелюбно на более деятельное участие в этом деле их союзницы Италии [57].

В августе 1909 г. державы-покровительницы выступили с новой коллективной нотой в Константинополе, рекомендовавшей Порте сдержанность в ее требованиях к Греции. В ноте было выражено сожаление держав-покровительниц о том, что «Высокая Порта упустила из виду, что в критском вопросе она не имеет права адресоваться непосредственно к Греции». Через два дня после вручения Порте коллективной ноты держав греческое правительство

[52] АВПР, ПА, д. 2574, л. 84. Секретная телеграмма посла в Константинополе Чарыкова № 218 от 23 июля (6 августа) 1909 г.; см. там же, лл. 104—105. Секретная телеграмма посланника в Афинах Щербачева от 25 июля (8 августа) 1909 года. Греческая ответная нота была датирована 9 августа 1909 года. См. Gr. Polit. Bd. 27. T. I, S. 86. Прим. к док. 9653; об этом же см. OUA. Bd. 2, S. 430—431, Dok. 1708 и 1709. Телеграммы австрийского посла в Афинах Левенталя №№ 76 и 77 от 7 августа 1909 года.

[53] Gr. Polit. Bd. 27. T. I, S. 85. Телеграмма заместителя статс-секретаря Штемриха германскому поверенному в делах в Константинополе фон Микелю № 158 от 7 августа 1909 года.

[54] Там же, стр. 89. Телеграмма германского посла в Вене Ранцау Бетман-Гольвегу № 170 от 11 августа 1909 года.

[55] Там же, стр. 90. Телеграмма германского посла в Вене Ранцау Бетман-Гольвегу № 170 от 11 августа 1909 года.

[56] Там же, стр. 91. Письмо Бетман-Гольвега германскому послу в Вене Ранцау № 1276 от 13 августа 1909 года.

[57] АВПР, ПА, д. 2575, л. 18. Депеша российского поверенного в делах в Вене Урусова от 21 августа (3 сентября) 1909 года

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

заверило Порту, что оно посоветует критскому правительству не ставить вопрос о присоединении Крита к Греции, что оно, греческое правительство, будет подчиняться решению четырех держав-покровительниц [58]. Эти дипломатические акции способствовали смягчению греко-турецкой распри.

Известно, что после младотурецкой революции и крушения режима Абдул-Гамида в Турции усилились проанглийская ориентация и отход от прогерманского курса. Лондон надеялся упрочить свое положение в Турции с помощью Киамиля-паши [59]. Как и в боснийском кризисе, в критском вопросе обнаружилась борьба двух коалиций: австро-германского блока и стран Антанты. В то время как Россия и Франция готовы были созвать конференцию держав, подписавших Берлинский трактат, для обсуждения боснийских, болгарских и критских дел, Англия не давала согласия на обсуждение критского вопроса. Э. Грей поддержал стремление Порты урегулировать критские дела в переговорах с державами — покровительницами Крита. Турция вынуждена была считаться с фактом аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией и объявлением независимости Болгарии, тогда как Крит продолжал оставаться формально под суверенитетом Турции. Поддержкой Порты Англия рассчитывала укрепить свое влияние в Турции, тем более, что вследствие аннексии Боснии и Герцеговины ухудшились отношения между Турцией и Австро-Венгрией и стоявшей за ее спиной Германией. В Турции росло возмущение против политики Австро-Венгрии. Повсеместно в Оттоманской империи начался бойкот австрийских товаров [60].

Но весной 1909 г. Киамиль-паша был отстранен от власти. Германское влияние в Константинополе усилилось. С помощью Берлина австро-турецкие дела были улажены [61]. Без созыва конференции держав был урегулирован и болгарский вопрос. Борьба же по критскому вопросу продолжалась. Страны Антанты, особенно Англия, снова пытались втянуть в решение критского вопроса Германию и Австро-Венгрию, а эти последние попрежнему избегали участия в концерте европейских держав по критским делам. Англия использовала также критский вопрос как средство давления на Турцию для урегулирования в свою пользу других вопросов. Так, осенью 1909 г. велись переговоры относительно слияния турецкого общества «Гамидие» с обществом английских предприятий Линча, осуществлявших перевозки по Тигру. Английская сторона стремилась к тому, чтобы объединенное общество под эгидой Англии получило монополию на судоходство по Тигру и Евфрату [62]. В случае отказа в концессии на Тигре и Евфрате лондонский кабинет угрожал занять антитурецкую позицию в критском вопросе.

★

Империалистические державы использовали критский вопрос в своих узкокорыстных, захватнических целях. Но на самом острове шла массовая национально-освободительная борьба. Она облекалась в религиозную и национальную оболочку и принимала характер розни между христианами — грекофилами и мусульманами — туркофилами. Однако за этой оболочкой скрывались более сложные и глубокие социальные противоречия. На Крите основными владельцами земли были турецкие беи. Они эксплуатировали критских крестьян, которые в основной своей массе были христианами. Критская либеральная буржуазия стремилась направить движение в русло узконациональной и религиозной борьбы, но движение не ограничивалось этими рамками и нередко приобретало ярко выраженный социальный характер.

Одной из форм борьбы с турецкими беями являлся отказ крестьян от работы в поместьях землевладельцев в самую горячую пору сбора урожая.

В сентябре 1909 г. бойкотистское движение приняло на Крите широкие размеры. Среди крестьян распространилась анонимная прокламация, призывавшая к активной борьбе с турецкими беями [63].

Критское временное правительство декретом от 3 декабря 1909 г. назначило на 10 декабря созыв палаты депутатов, пред-

[58] Там же, л. 80; см. также Schulthes. Europäische Geschichtskalender. 1909, S. 624 ff.

[59] «История дипломатии» под редакцией В. П. Потемкина. Т. II. Госполитиздат. 1945, стр. 189—190.

[60] Там же, стр. 193.

[61] Там же, стр. 196.

[62] Gr. Polit. Bd. 27. T. I, S. 114. Прим. к док. 9678. Секретная телеграмма Маршалла в Берлин № 366 от 25 ноября 1909 года.

[63] АВПР, ПА, д. 932, л. 128. Приложение копии анонимной прокламации к депеше Шебунина № 42 от 25 сентября (8 октября) 1909 года.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

полагая в то же время произвести выборы депутатов в греческую палату от Крита [64]. Французский и английский генеральные консулы добились встречи со старейшим и наиболее авторитетным политическим деятелем Крита Михелидакисом, чтобы оказать на него давление в желательном для себя направлении. В беседе с ним оба генеральных консула дали понять, что французское и английское правительства смотрят отрицательно на предположение критян послать своих депутатов в греческую палату в Афины [65]. Михелидакис согласился с тем, что при сложившихся обстоятельствах посылку Критом своих депутатов в Афины следует отложить. Однако он заметил, что, так как созыв греческого парламента откладывается до осени 1910 г., европейским державам остается много времени, чтобы решить до этого срока критский вопрос. Критские политические деятели, в том числе и Михелидакис, и не представляли иного решения вопроса, как присоединение Крита к Греции.

Английский генеральный консул воздержался от угрозы новой оккупации острова. Зато с этой угрозой выступила газета «Times». Вскоре после беседы генеральных консулов с Михелидакисом в ней появилась статья, воспроизведенная греческими и критскими газетами. В ней говорилось, что в случае упорства критского населения английские войска уйдут с острова и оставят его на произвол Турции. Как и следовало ожидать, статья эта возбудила горячие отклики и вызвала тревогу среди критского населения. В октябре и ноябре 1909 г. на Крите находился корреспондент английской газеты «Daily Mail» Диллон, известный как друг критян и участник отряда критских повстанцев в 1896 году. Критяне верили Диллону, и на них произвело гнетущее впечатление его заявление, что входившая в число четырех держав-покровительниц Англия не сочувствует скорейшему разрешению критского вопроса [66].

В такой обстановке палата депутатов Крита приняла предложение Михелидакиса о сокращении срока службы в армии с 12 месяцев до шести. Критские власти спешили обучить военному делу возможно большее число граждан. 29 декабря 1909 г. критская палата образовала новый Исполнительный комитет из 3 членов; в него вошли: адвокаты Скулудис и Фумис и врач Попахадиакис из Кандии. Они приняли присягу греческому королю. Палата утвердила новую систему выборов в Национальное собрание, назначив эти выборы на 7 марта 1910 года [67]. Венизелос не вошел в состав нового критского Исполнительного комитета. Но именно в это время он развил бурную деятельность в целях скорейшего присоединения Крита к Греции. Под предлогом праздничной поездки на рождество Венизелос выехал в Афины.

Правительство Крита обратилось к населению острова с призывом к возможно более полному участию в выборах критского Национального собрания. Критские политические круги считали также, что население должно непременно послать своих представителей в любое представительное собрание, которое будет созвано в Греции [68]. В феврале 1910 г. под давлением Военной лиги и войск афинского гарнизона греческий кабинет Мавромихалиса, возражавший против созыва Национального собрания, ушел в отставку. К власти пришел кабинет Драгумиса, сторонника созыва Национального собрания. Это было воспринято в Константинополе как признак дальнейшего обострения греко-турецких отношений. Последовала усиленная концентрация турецких войск на греко-турецкой и болгаро-турецкой границах. В боевую готовность был приведен III корпус в Салониках. В беседе с итальянским послом Империали великий визирь заявил, что, если критские депутаты появятся в Афинах, турецкие войска займут Фессалию [69].

Державы-покровительницы также стремились не допустить выборов в Афинскую палату от Крита. Они предупредили критский Исполнительный комитет, что державы не допустят выборов и посылки депутатов от Крита в греческое Национальное со-

---

[64] Там же, л. 175. Депеша Шебунина Сазонову № 62 от 7 декабря 1909 года.

[65] Там же, л. 191. Депеша Шебунина Сазонову № 65 от 21 декабря 1909 года.

[66] Там же, лл. 192—193. Депеша Шебунина Сазонову № 65 от 21 декабря 1909 г.; см. также Gr. Polit. Bd. 27. T. I, S. 119.

[67] АВПР, ПА, д. 932, л. 206. Секретная телеграмма Шебунина министру иностранных дел № 203 от 16 (29) декабря 1909 года.

[68] Там же, д. 2577, лл. 23 и 24. Секретные телеграммы Шебунина №№ 14 и 15 от 16(29) января 1910 года.

[69] Там же, л. 43. Секретная телеграмма Чарыкова из Константинополя № 29 от 22 января (3 февраля) 1910 г.; см. также Gr. Polit. Bd. 27. T. I, S. 121. Телеграмма германского посла в Константинополе Маршалла № 22 от 30 января 1910 года.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

брание [70]. Критские газеты отмечали, что в декларации четырех держав не было ни одного слова надежды, содержались одни лишь угрозы. 7 марта 1910 г. состоялись выборы в критское Национальное собрание. Вместо прежних 65 депутатов было избрано 130. 9 мая состоялось открытие критского Национального собрания. Председательское место занял Михелидакис как старейший по возрасту, а очередной председатель Исполнительного комитета, Скулудис, именем короля Георга объявил «Эллинское собрание критян» открытым [71]. Вслед за тем депутаты принесли присягу греческому королю. Это вызвало протест со стороны 16 депутатов-мусульман, что, в свою очередь, вызвало бурю негодования в среде депутатов палаты.

У Венизелоса в Национальном собрании было 59 сторонников; 55 депутатов поддерживали Михелидакиса. Председателем собрания был избран Венизелос, ему же было поручено и составить кабинет. Михелидакис отказался войти в состав кабинета. Венизелос составил однопартийный кабинет из своих сторонников [72]. Его основная линия сводилась к тому, чтобы добиться поддержки держав-покровительниц. Более резкую позицию занимал Михелидакис. Он предлагал не допускать в палату мусульманских депутатов, не принимавших присягу королю Греции Георгу, что грозило осложнениями с европейскими державами.

Затруднения, испытанные Венизелосом при проведении политики соглашения с державами-покровительницами, усилились, когда стало известно, что при определении прав Турции на остров державы приняли выражение «суверенные» вместо «сюзеренные».

Младотурки определяли отношение и роль держав на Крите введенным в дипломатический обиход понятием о «депозите», каковым будто бы являлся остров в руках европейских держав. Они говорили, будто европейские державы приняли «имущество» (Крит), добровольно сданное им Турцией, на временное хранение и обязаны возвратить этот депозит по требованию владельца [73]. Младотурки доказывали турецкое подданство критян, которые уже десять лет присягали на верность не султану, а Верховному комиссару. Критяне с глубоким разочарованием отмечали, что европейские державы по всем этим пунктам отступали под нажимом турок.

В такой обстановке критский Исполнительный комитет передал ноту державам-покровительницам, в которой просил утвердить единство Крита с Грецией, так как «ничто не может отвлечь критян от их законных домогательств и так как вне этого единения немыслимо какое-либо иное устройство — сколько-нибудь авторитетное и прочное» [74]. Тогда же Венизелос заявил консулам держав-покровительниц, что на Крите мусульманские депутаты будут допущены в Собрание без принятия присяги и что мусульманским судьям и должностным лицам никаких препятствий в отправлении их обязанностей не будет делаться [75].

Однако европейские державы не поддержали заявление критского Исполнительного комитета. 26 июня 1910 г. четыре державы-покровительницы вручили ноту Порте, в которой подтвердили «суверенные права» султана на Крите. Турецкие правящие круги одобрительно встретили эту ноту; текст ее был немедленно обнародован в турецкой печати [76].

Но младотурки не удовлетворились этой уступкой. Антигреческая кампания в Турции усилилась. Широкие размеры принял бойкот греческих товаров. В Константинополе, Смирне, Бейруте и других турецких городах начались жестокие расправы с греками [77].

Нота европейских держав произвела тяжелое впечатление на Крите. В беседе с российским и французским генеральными

---

[70] АВПР, ПА, д. 2577, л. 112. Донесение Шебунина № 2 от 30 января 1910 г.; см. также его депешу № 9 от 13 февраля 1910 г. с приложением «Декларации»; д. 935, л. 43.

[71] Gr. Polit. Bd. 27. T. I, S. 129. Прим. к док. 9699. Телеграмма германского посла в Константинополе Маршалла № 104 от 11 мая 1910 года.

[72] АВПР, ПА, д. 935, лл. 117—118. Депеша Шебунина Сазонову № 25 от 21 мая 1910 года.

[73] Там же, л. 204. Депеша Шебунина Сазонову № 41 от 28 августа 1910 года.

[74] Там же, д. 2579, л. 99. Телеграмма Шебунина из Канеи Сазонову № 90 от 17(30) мая 1910 года.

[75] Там же, лл. 139, 154. Телеграммы Шебунина из Канеи Извольскому № 94 и 97 от 24 и 27 мая 1910 года.

[76] Там же, д. 2580, л. 50. Телеграмма Извольского послам в Константинополь, Париж и Лондон № 875 от 11 июня 1910 г.; см. также л. 53. Секретная телеграмма посла в Константинополе Чарыкова № 364 от 15(28) июня 1910 года. Об этом же Emmanuel A. Marc. La question crétoise. «La Nouvelle Revue». 3-ème série. T. XVII, № 67, 1-er octobre 1910, p. 295—301.

[77] Там же, стр. 295—301.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

консулами в Канее Венизелос сказал, что критяне будут вынуждены протестовать перед державами против умаления их прав, в свое время признанных державами, закрепленных ими же введением на острове начал полной автономии, совместимых лишь с «сюзеренитетом», а не с «суверенитетом» султана [78]. Урегулировав вопрос с мусульманскими депутатами, критское собрание прекратило свои заседания на четыре месяца. Венизелос уехал в Грецию и занял там пост премьера греческого правительства.

23 октября 1910 г. в Канее открылась новая сессия критского Народного собрания. 10 ноября собрание единодушно приняло декларацию о неизменности решения о присоединении Крита к Греции [79]. Собрание решило не ограничиваться представлением декларации державам-покровительницам, а обратиться непосредственно к правительствам, парламентам, политическим организациям и прессе Европы для возможно широкого ознакомления с критским делом, с критскими требованиями.

После того как критскому населению стал известен ответ европейских держав Исполнительному комитету от 29 ноября 1910 г., на острове началось брожение [80]. В Кандии, Ретимо и других пунктах Крита состоялись митинги протеста против признания державами-покровительницами суверенных прав Турции на Крит. Резолюции этих митингов были доставлены депутациями представителям держав с просьбой довести до сведения своих правительств.

Среди депутатов Национального собрания и других политических деятелей Крита росло недовольство нерешительностью Исполнительного комитета в борьбе за присоединение Крита к Греции. По инициативе 27 депутатов было решено провести по всем округам Крита выборы Революционного собрания, которое должно было затем собраться в окрестностях Канеи для избрания из своей среды депутатов в Афинскую палату. Была отпечатана и разослана прокламация о выборах Революционного собрания [81]. 13 ноября 1910 г. состоялись на всем Крите выборы в Революционное собрание.

Тогда же была опубликована прокламация об образовании особой стражи с целью «обеспечить охрану спокойствия и безопасности». В действительности же эта стража должна была оказать вооруженную поддержку развернувшемуся движению [82]. Революционное собрание избрало 56 депутатов для посылки в Греческую палату депутатов [83].

Решительность критских политических деятелей встревожила западноевропейские государства. Намерение критян послать своих депутатов в Греческую палату представлялось им удобным предлогом для новой оккупации Крита. Державы направили своим консулам в Канее распоряжение заявить властям Крита, что они «не могут допустить посылки критских депутатов в Афины и что, если это окажется необходимым, они вмешаются, чтобы этому воспрепятствовать» [84]. Для этой цели решено было направить во все главные порты военные суда держав [85].

Однако критские депутаты не испугались этой угрозы. Тогда консулы в Канее выработали, а правительства держав утвердили полицейские способы, чтобы помешать депутатам, избранным Революционным собранием, добраться до Афин. Они обратились, в частности, к австро-венгерскому и германскому правительствам с просьбой дать указания командирам кораблей этих держав не допускать на корабли революционных депутатов. Венизелос обещал державам установить пятидневный карантин

---

[78] АВПР, ПА, д. 2580, л. 54. Секретная телеграмма Шебунина № 123 от 16(29) июня 1910 г.; см. также Gr. Polit. Bd. 27. T. I, S. 134. Телеграмма Вангенгейма из Афин № 87.

[79] АВПР, ПА, д. 935, л. 316. Текст декларации критского Народного собрания 10 ноября 1910 г., приложенный к депеше Шебунина Сазонову № 58; см. также лл. 330—331.

[80] Gr. Polit. Bd. 27. T. I, S. 150—151. Донесение германского посла в Афинах Бетман-Гольвегу № 118 от 29 декабря 1910 года.

[81] АВПР, ПА, д. 939, л. 75. Телеграмма исполняющего обязанности генерального консула в Канее Пустошкина № 100 от 6(19) ноября 1911 года.

[82] Там же, л. 80. Телеграмма консула в Канее Пустошкина № 105 от 15(28) ноября 1911 г.; см. также DDF 3—1, № 505, р. 520—523. Записка французскому министру иностранных дел, составленная в конце декабря 1911 г., была закончена 22 января 1912 года. Приводится здесь взамен многочисленных телеграмм второстепенной важности.

[83] АВПР, ПА, д. 939, лл. 90—91. Телеграмма Пустошкина № 114 от 26 ноября (9 декабря) 1911 г.; см. также DDF 3—1, стр. 520.

[84] DDF 3—1, № 505, стр. 520—523. Записка министру иностранных дел де Сельву.

[85] АВПР, ПА, д. 939, л. 94. Телеграмма Пустошкина № 120 от 30 ноября (13 декабря) 1911 года.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

в Греции для всех, кто прибывал из портов острова, исключая лишь Канею [86].

15 декабря на греческий пароход, отправлявшийся из Канеи в Пирей и охранявшийся французским караулом, ворвались при большом скоплении публики 24 критских депутата. Тогда греческий пароход под конвоем французского крейсера направился в Суду. Туда же прибыли представители европейских держав. Вызвав депутатов на французский крейсер и осведомив их о запрещении выезда в Грецию, они предложили депутатам подписать обязательство отказаться от намерения отправиться в Афины. Депутатам было заявлено, что в случае отказа они будут задержаны на военных судах впредь до решения держав. С помощью угроз и прямого насилия депутаты были переведены на французский крейсер, после чего греческий пароход отбыл в Пирей [87]. 17 декабря находившиеся на французском крейсере критские депутаты выразили письменный протест против действия держав и заявили, что никакие силы не способны помешать осуществлению воли критского народа [88]. Лишь 3 января 1912 г., после того как в Канее стало известно, что сессия Греческой палаты депутатов, происходившая в Афинах, закрылась, 24 депутата, задержанные на французском крейсере, были освобождены [89].

8 февраля представители держав получили извещение о роспуске Исполнительного комитета и о назначении Революционным собранием Временного революционного правительства из трех лиц. Это правительство переписывалось с представителями держав на бланках, имеющих греческий герб и надпись: «Греческое королевство. Временное революционное правительство» [90]. В меморандуме, врученном представителям держав, председатель Революционного собрания от лица всего критского народа выразил сожаление по поводу решения держав сохранить статус-кво и их угрозы принять меры в случае, если Крит «не сумеет сам управляться». В меморандуме указывалось на несостоятельность настоящего режима, основанного на разъединении с Грецией, на гибельные последствия длительной неопределенности ее политического положения. В нем говорилось, что «все вышесказанное побуждает критян твердо стоять на принятом решении добиться достижения их национального идеала» [91]. Критское Революционное народное собрание вновь приняло решение послать депутатов от Крита в Греческую палату и тем самым произвести воссоединение Крита с Грецией.

Это решение критского Временного революционного правительства вызвало недовольство со стороны европейских держав. 15 февраля 1912 г. британское министерство иностранных дел сообщило российскому и французскому правительствам, что оно уведомило критское правительство в том, что поведение революционной партии производит неблагоприятное впечатление и, «если она будет упорствовать в проведении таких мер, как посылка депутатов в Афины, отмена капитуляций, увольнение чиновников-мусульман, или если будут продолжаться убийства мусульман, то державы-покровительницы предпримут соответствующие шаги для предотвращения нежелательных последствий от такого рода действий» [92].

20 февраля Сазонов ответил Бьюкенену, что российское правительство готово присоединиться к действиям правительства Англии [93]. 24 февраля 1912 г. российскому генеральному консулу в Канее Шебунину были даны указания в этом духе [94]. 17 февраля британское правительство в ноте правительству Франции настаивало на необходимости новой оккупации Крита в случае

[86] DDF 3—1, № 505, стр. 520—523. Записка министру иностранных дел Франции де Сельву.

[87] АВПР, ПА, д. 939, л. 96. Телеграмма Пустошкина из Канеи № 122 от 3(16) декабря 1911 года.

[88] Там же, л. 98. Телеграмма Пустошкина из Канеи № 122 от 3(16) декабря 1911 года.

[89] Там же, л. 101. Телеграмма Пустошкина № 127 от 21 декабря 1911 г. (2 января 1912 г.); см. также DDF 3—1, № 505, стр. 520—523. Записка министру иностранных дел Франции де Сельву.

[90] АВПР, ПА, д. 941, л. 5. Телеграмма Пустошкина № 4 от 26 января (8 февраля) 1912 года.

[91] Там же, д 940, лл. 36—37. Депеша Шебунина Нератову № 9 от 7 марта 1912 года. Закон, принятый Революционным собранием 3 марта. Приложение к депеше № 9.

[92] «Международные отношения» (далее МО), серия 2, т XIX, ч. II, стр. 146, прим. 2-е. Памятная записка английского посла в Петербурге Бьюкенена российскому министру иностранных дел Сазонову от 15(2) февраля 1912 г.; см. о том же DDF 3—2, № 41, стр. 34—35.

[93] МО, там же, прим. 3-е.

[94] Там же, стр. 180—181. Телеграмма министра иностранных дел Сазонова генеральному консулу в Канее Шебунину № 287.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

нарушения статус-кво на острове [95]. Однако Пуанкаре возражал против этой меры, указывая на то, что она может вызвать массовые протесты недругов Антанты и критян, подобно тому, как это уже было, когда остров был оккупирован европейскими войсками. Пуанкаре отмечал, что оккупация будет использована врагами Венизелоса [96].

27 февраля 1912 г. послы четырех держав — покровительниц Крита вручили в Берлине совместный меморандум по критскому вопросу Кидерлен-Вехтеру. 5 марта Кидерлен-Вехтер передал представителям держав ответную ноту берлинского кабинета. В этой ноте германское правительство, соглашаясь, «в случае, если бы события этого потребовали», на обмен мнениями между шестью державами по вопросу о сохранении мира между Турцией и Грецией, подчеркивало, что именно только этот вопрос, а никаким образом не сами критские дела, может служить предметом совместного обсуждения. В отношении критских дел германский кабинет заявил, что он сохраняет свою точку зрения, принятую еще в 1898 году. Такова же была позиция Австро-Венгрии [97].

Державы-покровительницы Англия, Франция и Россия заявляли, что появление критских депутатов в афинском парламенте немедленно повлечет за собой греко-турецкую войну и вторжение Турции в Фессалию. На самом деле в дни итало-турецкой войны обстановка была такова, что Турция не могла пойти на военный конфликт с Грецией, не ликвидировав войну с Италией. В Афинах понимали, что угроза вторжения турецких войск в Фессалию нереальна.

Политический режим, созданный на Крите, был крайне неустойчив. Всем было ясно, что так долго продолжаться не может. Российский генеральный консул в Канее Шебунин, внимательно наблюдавший за Критом, дал весьма яркую картину экономического положения острова. «Несомненно то,— писал Шебунин Нератову,— что бывший когда-то «лучшей жемчужиной» в венецианской короне остров влачит ныне жалкое существование, едва сводя концы с концами своего более чем скромного бюджета, что его естественные богатства остаются в значительной доле не использованными, что его население, сведенное турецким режимом к размерам населения Васильевского острова, держится на этом уровне и ныне, в то время как двадцать веков тому назад на острове процветали не один, а многие города по 100, по 150 тысяч жителей, и что наконец эмиграция в Америку уносит с острова лучшие рабочие силы, подкашивая все надежды на его материальный подъем» [98]. Шебунин отмечал, что «пока Крит остается на положении вещи, не имеющей определенного хозяина, его судьба всегда будет зависеть от случая, и сам по себе он всегда будет представлять не более как мишень для всевозможных политических аппетитов и объект скрытых поползновений, в которых критяне и греки всегда склонны заподозрить то Англию, то хотя бы и Германию» [99].

Политические деятели Крита стремились изменить положение острова. Они считали, что итало-турецкая война создала «благоприятный» момент для решения критского вопроса. Собравшееся 4 июня 1912 г. критское Революционное Народное собрание приняло некоторые изменения в порядке управления островом. Собрание утвердило Исполнительный комитет из 5 человек. В его состав вошел патриарх критских повстанцев, носивший звание «Главного предводителя», 82-летний старик Ходжи Михали Яннарис. Отличившись в восстании 1868—1869 гг., приговоренный турками к смерти, Яннарис бежал в Россию. Потом он вернулся на остров и принял участие в изгнании турецких войск. В числе членов Исполнительного комитета был Михелидакис, генерал-майор греческой армии критянин Лимбритис, Кундурос, бывший председатель Революционного комитета 1897 г., руководитель восстания престарелый Сфакионакис [100].

---

[95] DDF 3—2, стр. 47. Нота британского посла в Париже французскому правительству от 17 февраля 1912 года.

[96] Там же, № 87, стр. 80—81. Депеша Пуанкаре французскому послу в Лондоне Камбону № 138 от 23 февраля 1912 года.

[97] АВПР, ПА, д. 2595, лл. 91—92. Депеша российского посла в Берлине Остен-Сакена № 11 от 11 марта 1912 г.; см. о том же DDF 3—2, № 112, стр. 106—107. Телеграмма французского посла в Берлине Камбона Пуанкаре № 104 от 27 февраля 1912 г.; телеграмма французского поверенного в Берлине Эрмита Пуанкаре № 111 от 5 марта 1912 г.; DDF 3—2, № 159, стр. 150—151; см. также стр. 106, прим. к док. 112. Телеграмма французского посла в Вене Крозье Пуанкаре № 65 от 27 февраля 1912 года.

[98] АВПР, ПА, д. 940, л. 40. Депеша Шебунина Нератову № 9 от 7 марта 1912 года.

[99] Там же, л. 41. Донесение Шебунина Нератову № 9 от 7 марта 1912 года.

[100] Там же, л. 119. Депеша Шебунина Нератову № 31 от 29 июня 1912 года

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Характерно, что закон 4 июня 1912 г. носил временный характер. Предусмотренные им мероприятия были рассчитаны на срок до 15 октября, когда должна была открыться Греческая палата, куда критяне намеревались послать своих депутатов. Это намерение встревожило британские правящие круги. Английский консул получил предписание проявить инициативу в целях совместного выступления европейских держав против посылки критских депутатов в Греческую палату. Английский консул предложил задерживать всех депутатов, которые будут выезжать в Афины, не только группами, но и по одиночке [101]. По предписанию своего правительства английский консул предлагал остальным консулам сделать предупреждение критскому правительству, что в случае присутствия критских депутатов в греческом парламенте державы-покровительницы вновь оккупируют остров [102].

Когда началась балканская война, Греция, вступившая в войну с Турцией, объявила о том, что Крит является составной частью Греческого королевства. Лондон учел новую ситуацию на Балканах и несколько изменил свою позицию в критском вопросе. Английский консул в Канее высказал мнение, что, соглашаясь на присоединение Крита к Греции, Англия потребует от Греции лишь обязательства не делать морской станции на Суде и не отдавать ее никакой другой державе [103].

На открывшееся 14 октября 1912 г. первое заседание Греческой палаты прибыли 60 критских депутатов. Председатель совета министров Венизелос при бурном рукоплескании всей палаты заявил, что «отныне существует один лишь парламент для Греции и Крита». Венизелос объявил, что Крит будет управляем Грецией, и пригласил участвовавших в качестве гостей критских депутатов разойтись по домам с тем, чтобы приступить к новым выборам уже на основании греческих законов, после чего новоизбранные получили бы право заседать со своими греческими товарищами в Афинской палате [104].

25 октября на особом пароходе в Канею прибыл бывший греческий премьер-министр Драгумис, и одновременно в городе был опубликован декрет короля Георга о назначении Драгумиса генерал-губернатором Крита и принадлежащих ему владений «со всеми присвоенными этому званию прерогативами». Население восторженно приняло это извещение [105]. Вслед за прибытием генерал-губернатора на остров прибыли греческие войска. Начавшаяся война на Балканах привела к тому, что европейские державы отозвали свои суда из вод Крита. С уходом европейских военных судов греческие власти не замедлили спустить турецкий флаг в Канее и заменить его греческим. Не с помощью европейских держав, а опираясь на собственные силы, население Крита добилось освобождения и воссоединения с Грецией.

После того как основная часть Греции освободилась от турецкого ига, оставшиеся невоссоединенными греческие земли являлись разменной монетой в руках Порты. В то время как население Крита при поддержке всего греческого народа смогло довести свою борьбу за воссоединение с Грецией до победного конца, остров Кипр с огромным большинством греческого населения оказался в руках Англии. Национально-освободительные силы Кипра не смогли противостоять английским колонизаторам, и этот остров остался под чужеземным игом.

[101] Там же, д. 941, л. 80. Телеграмма Шебунина № 85 от 17(30) августа 1912 года.
[102] Там же, л. 96. Телеграмма Шебунина № 102 от 19 сентября (2 октября) 1912 года.
[103] Там же, л. 116. Телеграмма Шебунина из Канеи № 125 от 21 декабря (3 января) 1913 года.
[104] Там же, д. 2595, л. 289. Секретная телеграмма посланника в Афинах Демидова № 114 от 12(25) октября 1912 года.
[105] Там же, л. 335. Секретная телеграмма Шебунина № 114 от 12(25) октября 1912 года.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ